

Прокофьев Сергей
Сергеевич
(дневник)

23.06.03,

**Издательство
«Классика XXI»
представило в
России парижское
издание дневника
Сергея Прокофьева
(1891 – 1953):
событие, которого
ждали многие**

«Трудно сказать, считал ли Прокофьев, что Стравинский – композитор более удачливый и талантливый, чем он сам, но с самого дня их знакомства 20 марта 1915 года он постоянно и ревниво наблюдал за ним».

ДНЕВНИК

Дневник Прокофьева состоит из трех частей (первая: 1907 – 1918, вторая: 1919 – 1933, третья: альбом фотографий «Лица»). В 1990 году, к столетию композитора, в парижском издательстве «Синтаксис» был опубликован его дневник за 1927 год – год посещения СССР. Точнее сказать, это была часть дневника за 13 января – 25 марта, непосредственно посвященная визиту Прокофьева в Ленинград и Москву (в 1991 году этот фрагмент дневника был опубликован и в Москве издательством «Советский композитор»). Композитор оказался и умелым литератором, обладающим способностью отобрать детали и несколькими фразами обрисовать характер.

Для того чтобы были ясны масштабы нового издания, скажу, что опубликованный ранее дневник занимает 97 страниц, а всего в двух текстовых частях «Дневника» 1570 страниц. Тираж – 3000 экземпляров. Подготовил издание Сергей Святославович Прокофьев, внук композитора, который долгое время вместе со своим отцом занимался расшифровкой записей дневника. Все дело в том, что с 7 июля 1914 г. Сергей Сергеевич для быстроты записывал слова без гласных, и это потребовало, как замечает Прокофьев-внук в предисловии, усилий, особенно значительных, когда речь шла о незнакомых фамилиях и именах. Деталь любопытна с психологической точки зрения: в 1914 году Прокофьев окончил консерваторию, поехал в Лондон, познакомился с Дягилевым («Итак, я неожиданно сделал в Лондоне очень хорошую карьеру. Действительно, сразу, минуя всякие наши учреждения, выйти на европейскую дорогу, да еще такую широкую, как дягилевская, – это очень удачно»), и после этого, видимо, и возникло не покидавшее потом ощущение, что надо все успеть, жизнь распланирована по минутам, и не хватает времени.

Естественно, наибольшее удовольствие и пользу от дневника получают биографы Прокофьева, в распоряжении которых теперь надежная событийная канва и интерпретации всех событий, которые были важны для композитора. Есть запись о том, как он закончил свою первую вещь (3 авг. 1908 г.), запись о визите к Скрябину 15 февр. 1910 г., удивление тем, что он делается «довольно знаменитым» (3 – 12 апр. 1915 г.). И так далее.

С чисто литературной (и сюжетной) точки зрения наиболее интересен дневник предвоенных лет (1907 – 1914), когда автор еще был студентом консерватории. Записи наполнены смесью восторгов, звучащих как современные рекламные слоганы («Когда у меня на Новый Год спрашивали, чего мне пожелать, я думал и совершенно искренне отвечал: ничего

ЖИЗНЬ, расписанная по минутам

не надо. И действительно – все хорошо, а дальше в жизни будет еще лучше», 31 янв. 1910 г.), впечатлениями от первых профессиональных успехов и проблем и подробным описанием девушек, с которыми он знакомится бесперебойно и обозначает то именами, то номерами-шифрами: 11А... 16А, 17А, 19А... 22А (она же 14Б). Эти описания в сумме дают любопытную информацию о межгендерных отношениях начала XX века. Все очень невинно и чинно. Помимо консерваторских занятий, это единственная тема, которая волнует постоянно.

«С Верочкой Алперс мы часто возвращаемся вместе из Консерватории. Мы непременно проходим через Никольский сад и делаем там маленькую прогулку... Я как-то предложил ей руку, и с тех пор мы гуляли под ручку – милее и ближе...» (21 нояб. 1909 г.). «Видел издали тонкую 19А и испытывал желание с нею познакомиться» (4 мая 1913 г.). «Ах, как я сладко целовался с Ниной во сне! Мне захотелось пойти сегодня вечером к Мещерским и поухаживать за Ниной. Как раз она в полдень и позвонила, но я сочинил балет и подошел к телефону злющим...» (19 окт. 1914 г.).

Музыка Прокофьева – несмотря на всю смелость нарушения традиций – довольно рациональна, и психологическое подтверждение находится и для этого: он играет на бирже, образует «финансовые предприятия», надеется разбогатеть. «Затем приехала Катя Игнатьева переговорить со мною о моем биржевом предприятии. Я требую капитал, предлагаю труд, а выигрыш делю пополам. Предполагаю взять у нее денег, играть на бирже, выиграть в год 60 – 80% и этим доставить ей и себе приличный доход...» (28 дек. 1912 г.). Интересно, кстати, сопоставить этот интерес к бирже, процентным бумагам и схемам распределения доходов с оперой «Игрок», которую Прокофьев сочинял в 1915 – 1916 годах. Подробно описана и встреча в январе 1917 года с Анной Григорьевной Достоевской, удивившей композитора своими финансовыми аппетитами в связи с использованием сюжета «Игрока» (25 проц. от доходов Прокофьева за исполнение оперы). Концептуальных записей на тему игры, биржи и денежного накопления в дневнике, правда, нет, но зато масса эгоцентрических восторгов от того, что получается в процессе работы над оперой. «Я сегодня играл первый акт, он сильно

разнится от третьего, но какой подкупающий, ах прелесть. Я напрасно думал, что лучшее место – Бабуленька, пожалуй, и первый акт ей не уступит» (17 февр. 1916 г.). Прокофьев почти всегда, не только в этом случае, восторгается и умиляется собой, самоедство, тягостная рефлексия ему почти несвойственны.

Естественно, есть и любопытные зарисовки быта, нравов, исторических деталей. «Трехсотлетие дома Романовых. На улицах торжества и объявления градоначальника, чтобы публика была осторожней и лучше даже совсем не выходила на улицы: торжествуя, сидя у себя дома» (21 февр. 1913 г.). «Когда он <Брюсов> умер, его тело подвергли вскрытию. Была сделана также трепанация черепа. Когда был вынут мозг, то надо было перед закрытием черепной коробки чем-нибудь заполнить голову, но ничего не было под руками. Тогда брали листы газеты «Правда», скатывали их комками и забивали ему в голову. Так он и был похоронен с большевизкой газетой вместо собственных мозгов – отщепеные судьбы за его переход в коммунизм, совершенный не по убеждениям, а по расчету» (30 мая 1926 г.).

Отдельный интерес представляет описание Февральской революции 1917 года, немного напоминающее «Египетскую марку» Мандельштама. Прокофьев даже спасает от самосуда толпы переодетого пристава, потом рассказывает, как в марте все композиторы кидаются писать новый гимн, хотя ему больше всего нравится «Славься» Глинки («только подставить новые слова»), потом он знакомится с «футуристом Маяковским», его пытаются вовлечь в «строительство нового мира»... 25 октября он в Кисловодске, куда приходят сведения о «восстании большевиков», но гораздо важнее, что 26-го он кончил *Andante*. В декабре 1917 года он решает уехать в Америку («...Здесь – резня и дичь, там – культурная жизнь, здесь – жалкие концерты в Кисловодске, там – Нью-Йорк, Чикаго»), 7 мая отправляется на поезде через всю страну к Дальнему Востоку, 1 июня уже в Токио, 21 августа в Сан-Франциско. Темп и стилистика немного кино: исторические катаклизмы и человек, спасающийся бегством. Бежит к мировой славе. Вот она, слава.

Трудно сказать, по какой причине сам Прокофьев в 1936 году, когда ему исполнилось 45 лет, круто изменил жизнь и прибыл вместе с семьей в СССР. Было ли это по убеждению или

АРХИВ «МН»

Сергей Прокофьев под Москвой, 1951 год

по расчету? Скорее, конечно, второе, ибо дневник он оставил в сейфе в США, а в СССР никаких записей никогда не вел, из чего можно предположить, что иллюзий относительно природы сталинского режима у него не было. Записи же дневника за 1927 год, посвященные визиту в Ленинград и Москву, не оставляют сомнений, что Прокофьев смотрит на советскую жизнь как человек, абсолютно чуждый всему новому укладу, для которого каждая деталь своей чужеродности (от ругательной статьи в газете до того, что в церковь заходят, не снимая шапки) является оправданием эмиграции.

Что же касается подлинной причины возвращения, то дневник дает достаточно ее доказательств. Я имею в виду успех на Западе Игоря Стравинского, который не давал Прокофьеву покоя. В СССР он, конечно, отправился за славой – пример Алексея Толстого был налицо. Трудно сказать, считал ли Сергей Сергеевич, что Стравинский – композитор более удачливый и талантливый, чем он сам (может быть, даже гениальней), но уж точно, что с самого дня их знакомства 20 марта 1915 года в Милане он постоянно и ревниво наблюдал за ним. Любое сообщение о том, что в разговоре с кем-то Стравинский «ругнул» Прокофьева, что кто-то восхищался Стравинским или бранил его, заимствовал Стравинский что-то у Чайковского или нет, создался в этом или ушел от ответа, были овации на концерте или нет – все берется Прокофьевым на заметку.

Отсюда и «сальерианское» замечание, торопящее творческую смерть конкурента: «Стравинский – золотой идол с глиняными ногами. И ноги эти треснули. Эта трещина уже носит в воздухе, но никто ее не чувствует... Когда божок упадет, всем всё станет ясно, но сейчас, если заговорить о глиняных ногах, то с жалостью похлопают по плечу. Дай, Боже, быть свидетелем сочувствующим и благородным, и не опалить себя ни одной вспышкой торжества» (24 нояб. 1928 г.). Спустя почти год Прокофьев признается себе в том, что его обижали почести, которые воздавались Стравинскому на Западе и которые превосходили почести, возданные ему, но что теперь зависть позади (август 1929 г.). Но это были, вероятно, лишь иллюзии. Во всяком случае, дневник дает обильную пищу для размышлений на эту тему и о причинах, побудивших переехать из свободного мира в СССР.

Одно плохо: издан дневник по-дилетантски. Нет не только комментария и биографической канвы, но и именного указателя, содержащего отсылки с номерами страниц. Книга издана как роман – просто для чтения. Трудно представить, что кто-то сейчас, в условиях отчетливой культурной деградации, решится подготовить второе, научное, издание этого гигантского текста. Вот если бы это были дневники Аллы Пугачевой или вокальной группы «Блестящие»...

Михаил ЗОЛОТОНОВ

ЧИТАТЕЛЬ

Москва, ноябрь 2003 – 23 июня – С. 27